

**НЕ ПОДЛЕЖИТ ЗАБВЕНИЮ:
ПАМЯТИ Н.М. КАРАМЗИНА***М.Н. ГРОМОВ*

Оценивая творческое наследие великого отечественного историка, писателя, общественного деятеля Н.М. Карамзина, мы должны отметить многие его заслуги. Главная из них – создание многотомной «Истории государства Российского», вызвавшей восторг образованной части российского общества в начале XIX в., ибо она смогла обратиться к первоисточникам родной истории и культуры. Приняв на себя гигантскую ношу, Николай Михайлович Карамзин совершил научный и гражданский подвиг, высоко оцененный его современниками, среди которых был Пушкин, образно назвавший Карамзина «Колумбом российских древностей». Пусть не все удалось сделать автору, который довел рассмотрение отечественной истории до Смутного времени начала XVII в., однако он проложил путь будущим исследователям, а его глубокие мысли о прошлом остаются актуальными в настоящем и не будут забыты в будущем, поскольку они касаются коренных оснований исторического бытия России.

Обращаясь к биографии и творческому наследию Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), исследователи подчеркивают его европоцентризм в первой половине жизни. Сначала он воспитывался в дворянском пансионе Фовеля в Симбирске, затем в пансионе немецкого профессора И.М. Шадена в Москве, слушал лекции в университете, овладев основными европейскими языками, активно изучал западную литературу и философию¹. В этом нет ничего удивительного. Таков был начальный путь большинства его образованных современников. В XVIII в. Россия была прилежной ученицей Европы, в XIX столетии стала искать собственную почву, что дало великолепный синтез европейской выучки и заинтересованного обращения к истокам своей истории и культуры. Это мы видим на примере Пушкина, Достоевского, Толстого и многих писателей, мыслителей, художников, композиторов.

Европа всегда была, даже в периоды войны, противостояния, вражды с нею, заповедной «страной чудес», точнее сказать, совокупностью многих стран, своеобразным цивилизационным материком, дающим разнообразную пищу уму и нередко пример для подражания. Спектр отношений к Европе был (да и сейчас таковым является) многогранен – от неумеренного восхваления до враждебного неприятия, разумной же позицией является объективно срединная, состоящая в признании европейского опыта важным для России и осознания нашей культуры частью общеевропейской цивилизации со всеми оговорками геополитического, конфессионального, национального и иного характера².

Показательно, что девизом основанного Карамзиным журнала «Вестник Европы» стало выражение «Россия есть Европа», столь на-

поминающее некоторые нынешние лозунги у нас и у наших соседей. В идейном плане Карамзин более всего увлекался французским Просвещением и немецкой философией, причем не только по книгам, но и на практике – во время путешествия по Европе. Его потрясли события Французской революции, часть которых он видел своими глазами. Он слушал Робеспьера, был свидетелем полемики Мирабо и аббата Мори о статусе католической церкви в республиканской Франции, где она сначала будет подвергаться гонениям, однако затем наступит пора восстановления ее прав. Революционный атеизм не сразу угас. Он проявился не только в России в 1812 г., но также в Испании, где разграблялись единоверные казалось бы французам католические храмы и монастыри.

В интеллектуальном смысле весьма важными и полезными были во время европейского вояжа встречи с Кантом, Николаи, Плотнером, Гердером, Виландом и другими философами и общественными деятелями³. Немецкая основательность всегда была полезна для ищущей и мятущейся русской мысли как некий образец системного и функционального мышления, однако уподобляться ей полностью не следовало во избежание схематизации и педантизма. Сильная немецкая философия предстает как ценный феномен для изучения, а не обязательно для подражания, и одновременно как оппонент в давнем споре и соревновании аристотелевской и платоновской линий в философии, критикующих и взаимообогащающих друг друга.

О глубоком погружении в европейскую культуру и хорошей филологической подготовке свидетельствуют переводы Карамзина с немецкого (А. фон Геллера, С. Гесспера, Г. Лессинга), французского (Ш. Бонне, С.Ф. Жанлис, Ж. Мармонтеля), английского (Дж. Томсона, У. Шекспира, Л. Стерна). Его «Письма русского путешественника» вызвали интерес не только у соотечественников, они были переведены на немецкий, французский, английский, польский языки, явившись своего рода культурным мостом между Россией и Европой, каковым был и сам их автор, много сделавший для популяризации западной культуры на своей Родине, что считал полезным и необходимым делом, поскольку при любом отношении к Европе нельзя не учитывать ее исторический и культурный опыт⁴.

Среди всевозможных увлечений и мотивов разносторонней деятельности Карамзина следует отметить непродолжительную вовлеченность в общение с масонами из кружка московских мартинистов (С.И. Гамалея, А.М. Кутузов, И.В. Лопухин, М.М. Херасков). Его привлекали осуждение масонами радикализма, атеизма, вольтерьянства, упор на совершенствование «внутреннего человека», а не внешних обстоятельств, обращение к поэзии и проповеди⁵. Возможно, это увлечение уместно связать с сентиментализмом, основателем которого в русской литературе считают именно Карамзина. Интерес к переживаниям

живого человека, сочувствие «бедной Лизе» вписываются в проблему малого человека, присущую отечественной литературе. И, разумеется, не следует забывать о роли Николая Михайловича в модернизации русского литературного языка, спорах с традиционалистами, которые обвиняли его в «офранцузивании» родной речи⁶.

При всем увлечении западной культурой, знатоком и ценителем которой он оставался во все периоды своей жизни, Карамзин уже в молодые годы в разгар своего «еврофильства», обращается к сюжетам из родной старины, столь дорогим сердцу русского человека, как дороги и трогательны были юному Пушкину рассказы его няни Арины Родионовны. В 1792 г. он публикует повесть «Наталья, боярская дочь», напоминающую о втором браке царя Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной, результатом которого явилось рождение царевича Петра, будущего преобразователя России. Карамзин пишет статьи «О любви к отечеству и народной гордости» (1802), «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802), «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» (1803), а также повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (1803).

Вскоре наступает второй и самый важный период жизни Н.М. Карамзина, подготовленный предыдущими публикациями и постепенным переносом центра тяжести интересов автора непосредственно на отечественную историю, изучение которой на все последующие годы станет главным его научным, творческим и жизненным призванием. 31 ноября 1803 г. согласно особому указу Александра I он получил звание историографа с соответствующим жалованием, как и хотел этого. По остроумному выражению П.А. Вяземского, он «постригся в историки», как бы принял обет отречения от всего остального. Подобно древнерусскому летописцу, Карамзин отбросил все суетные увлечения, отнимающие время и силы, и посвятил себя целиком избранному делу, которое он понимал как призвание, послушание и свой долг. Из европейски образованного интеллектуала, общавшегося со многими выдающимися умами, открытого светскому обществу, он стал едва ли не затворником, который сосредоточился на изучении и изложении отечественной истории, ее смысла и предназначения. Он спешил, берег время, не отвлекался на иные дела, предчувствуя, очевидно, весь масштаб и невыполнимость намеченного труда в полном объеме.

И, действительно, Карамзин довел свою «Историю» только до начала XVII в., не выйдя за пределы Древней Руси. В какой-то степени это обстоятельство также роднит его с летописцами допетровского времени. Описанием отечественной истории до него в Новое время с разным успехом занимались М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, И.Н. Болтин, однако творение Н.М. Карамзина стало единственным в своем роде. Оно было восторженно принято читающей публикой разных социальных слоев, начиная с первых публиковавшихся томов.

Общеизвестно, что Пушкин, как всегда метко, назвал Карамзина «Колумбом российских древностей», открывшим Древнюю Русь для всех, особенно для тех, кто по причине особенностей своего воспитания хорошо знал античную мифологию, европейское Средневековье и Возрождение, латинскую культуру и западные языки, но о собственной многовековой начальной истории имел самые приблизительные и смутные представления. Он возвращал европеизированным и модернизированным современникам самое себя, собственное самосознание, то, что принято сейчас называть термином «самоидентификация». Со времен петровских реформ прошло всего сто лет, Россия стала другой страной, позабыв свои истоки и корни – Древнюю Русь, которую академик Д.С. Лихачев называл «нашей античностью», когда созидались отечественная государственность и культура, строились города и села, осваивалось жизненное пространство, именуемое Россией, сложилась древнерусская литература, предшественница великой русской литературы Нового времени, а также сформировались живопись, пластические искусства, церковная архитектура и многое иное, чем мы гордимся в настоящее время⁷.

Н.М. Карамзин по существу исполнил большой гражданский долг перед своим народом, он вернул ему собственную историю, он разрушил ограниченные стереотипы своего времени и призвал соотечественников к глубокому изучению и познанию своего прошлого, которое продолжается в настоящем. Поэтому его можно рассматривать не только как выдающегося историка, но и как видного общественного деятеля, повлиявшего на умы современников, их мысли и поступки.

Характерно название главного труда его жизни – «История государства Российского». Император Александр I, удостоивший Карамзина званием историографа, полагал, что он напишет «Историю Российской империи», однако автор уклонился от столь политизированного и модернизированного названия. Не стал он называть свое творение «Историей русского народа», понимая, что в многонациональной России строили и защищали великую страну многие народы.

Касательно терминов «русский» и «российский» следует внести уточнение и разграничение. Русским уместно называть то, что связано с этносом и нацией. Так, существуют русский язык, русская литература, русская музыка, русская философия. Вместе с тем существуют российское государство, российская армия, российская экономика, российские дороги и российское бездорожье. В старой литературе, даже научной, а порою и в современной, данные понятия не разделяются и нередко употребляются как синонимы, равнозначные по своему смыслу. Очевидно, пора научиться различать два этих важных термина, взаимосвязанных, но не совпадающих по своему значению.

Живший позднее С.М. Соловьев (1820–1879) назвал свой многотомный труд «История России с древнейших времен». В.О. Ключевский

(1841–1911), прекрасно знавший прошлое России, в том числе древнерусский период, озаглавил свое творение скромно и лаконично — «Русская история. Полный курс лекций». Все вышеперечисленные и многие не указанные дореволюционные обширные исторические сочинения, часто не законченные, носят отчетливо выраженный авторский характер, индивидуальную стилистику и оригинальный язык, особенно ярко они проявляются у Карамзина. Советские же многотомные издания имеют коллективный, безликий, усредненный, чрезмерно отредактированный характер. В них нет присутствия неповторимого, уникального, единственного в своем роде автора. У дореволюционных историков все отмеченное присутствует, что делает их труды привлекательными и запоминающимися подобно литературным сочинениям.

Возвращаясь к названию обширного труда Н.М. Карамзина, необходимо сказать, что оно отнюдь не случайно. Оно подчеркивает основную мысль автора о том, что Россия как великая страна могла состояться только в державном, государственном, политически консолидированном виде. Карамзин выступает как убежденный государственный, считающий, что без сильной, централизованной политической системы нельзя удержать огромную территорию и многие народы, ее населяющие, различные в этническом, культурном, конфессиональном отношении, но все при этом являющиеся россиянами, которым обеспечены надлежащие условия для сохранения их самобытности. Когда государство слабеет, Россия погибает. Так было в Смутное время начала XVII в., так было в 1917 г., так случилось с Советским Союзом и, возможно, едва не произошло с Российской Федерацией уже в наши дни⁸. Исторический опыт и его мудрые интерпретаторы вроде Н.М. Карамзина напоминают нам об этом.

Себя Николай Михайлович Карамзин называл «философом-историком»⁹. Один из исследователей образно именовал его «последним летописцем»¹⁰. И это не красное словцо с претензией на оригинальность, это глубокое суждение, помогающее приблизиться к пониманию смысла и характера деятельности Карамзина как философствующего историка с возвышенным слогом изложения, словно некто из прошлого вещает нам о былом. Невольно вспоминается образ летописца Пимена из пушкинского «Бориса Годунова», удалившегося в уединенную келью и исполняющего труд, завещанный от Бога. Или скульптурное изображение летописца Нестора руки М. Антокольского.

Пора обратиться непосредственно к тексту «Истории государства Российского», не пересказывая, но акцентируя внимание на наиболее значимых и характерных ее особенностях. Будем пользоваться фототипическим изданием 1988 г. в 4 книгах и 12 томах, репринтом издания 1844 г. с сопутствующими материалами и статьями Ю.М. Лотмана, В.П. Козлова, С.О. Шмидта. В предисловии, помещенном в начале 1 тома и датированном 1815 г., автор указывает на принципы, которыми

он руководствовался при создании своего труда: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать века душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого»¹¹. Принципов указано много, все они уместны, отличаются научной добросовестностью, искренностью и сопереживанием давно жившим людям, которые почитаются как достойные предки нынешних поколений.

Особый раздел, предвещающий основной текст, посвящен источникам, которыми пользовался Карамзин. Их видов перечислено 14, включая летописи, наиболее подробно расписанные, Степенную книгу, Хронографы, жития святых, деловую письменность, разрядные книги и другие, самые разнообразные источники. Любопытно привлечение для сравнительного анализа иностранных исторических хроник и деловых материалов. Подобный компаративистский подход используется современной наукой, он позволяет более объективно оценивать внутреннюю информацию. Делая упор на отечественной истории, Карамзин учитывал опыт древней и сопоставимой западной, что позволяло родную историю рассматривать и оценивать как часть общечеловеческой. Подобная установка характерна не только для новоевропейского сознания. Она своеобразно присутствует в древнерусских летописях, где повествование начинается со времен библейских, где описывается разделение народов с их перечислением, как это видно в «Повести временных лет».

Глава IV имеет важное значение для всего последующего повествования, поскольку в ней объясняется причина возвышения Руси: «Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летоисчислению Нестора, обязано величием своему счастливому введению Монархической власти»¹². Через весь многотомный труд Н.М. Карамзина проходит как лейтмотив основная идея автора о важнейшей, организующей, спасительной для страны самодержавной единой власти от Рюрика, приглашенного новгородцами справедливо править на севере Руси, до императора Александра I, при котором Россия после победы над Наполеоном достигла вершины своего могущества и который поручил Карамзину как летописцу новейшей эпохи описать многовековой путь исторического развития страны и народа.

Споры норманистов и антинорманистов о значении варяжского фактора в создании древнерусского государства продолжают до сего дня, однако централизаторскую роль династии Рюриковичей от IX до конца XVI в. отрицать не приходится, равно как последующую роль династии Романовых. Вместе с тем нельзя не отметить кризис обеих династий в последние годы их правления. Но при Карамзине российское самодержавие казалось незыблемым, недаром он называл его «палладиумом России».

Еще одним важнейшим событием явилось крещение Руси при великом князе Владимире в 988 г. Разноплеменная, многоверная, языческая Русь получила духовную основу для своей консолидации и будущего развития. По мнению Карамзина, православие вместе с самодержавием явилось скрепляющим фактором в ранний период формирования древнерусского государства. Позднее к ним будет добавлена народность и возникнет известная уваровская триада как опора существования России. Признавая заслуги позднего Владимира, принявшего христианство, Карамзин довольно красочно описывает его языческую невоздержанность, вероломство, жестокость, рождение от разных жен многих детей, которые вступят в междоусобную войну после кончины князя. Возможно, противопоставление раннего и позднего Владимира, равно как противопоставление ранней и поздней княгини Ольги, его бабки, первой из правителей, принявшей христианство, носит преувеличенный в воспитательных целях характер, присущий всей древнерусской литературе. Ее учительная, наставительная, воспитующая роль была сродни древнерусской иконописи, в зримых живописных образах исполнявшей ту же функцию христианского просвещения человеческих душ.

Во второй книге описывается правление Ярослава Мудрого, при котором Киев, подражавший Константинополю, был украшен крепкими стенами с Золотыми воротами и храмом Святой Софии Премудрости Божией. Подробно перечисляются статьи «Русской Правды», принятой Ярославом, что соответствовало общей законодательной политике при Александре I. В стране должен быть порядок, его обеспечивают власть и законы. Карамзин описывает правление Ярослава и его личность как образцовые. Будучи просвещенным правителем, Ярослав вместе с тем вел успешные войны, расширял пределы государства, имел широкие международные связи. Карамзин использует характерный для него прием: он сравнивает древнерусское законодательство, нравы и обычаи русичей с европейскими, отмечая их сходство и различие. Этот полезный прием применяется и далее, оттеняя мысль автора о близости России Европе и одновременно о ее своеобразии.

Описывая правление каждого из князей в период междоусобицы после Владимира Святого и Ярослава Мудрого, Карамзин не упускает общую линию исследования отечественной истории от Киевской Руси

до Московского царства, предшественника Российской империи. Так, в поле внимания третьей книги помещается рассказ о деятельности князя Андрея Боголюбского, укреплявшего новый центр древнерусской государственности на северо-востоке Руси. Автор пишет: «Впрочем, Андрей Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум вторым Соломоном, был конечно одним из мудрейших князей российских... Он явно стремился к спасительному единовластию»¹³. Теперь во Владимире, становившемся соперником Киева, строят свои Золотые ворота и соборную Успенскую церковь. Из Вышгорода под Киевом переносят местную чудотворную икону, которую назовут Владимирской. Она станет одной из самых прославленных в Московской Руси, будет торжественно перенесена в новую столицу в 1395 г., где ее поместят в Успенском соборе Кремля.

Из третьей книги в четвертую переходит горестное повествование о Батыевом нашествии, обрушившемся на Русь. Рязань, Владимир, Суздаль, Киев пали под ударами завоевателей, были разграблены и разорены. Карамзин отмечает, что, воспользовавшись ослаблением Руси, с запада на нее напали литовцы и ливонские рыцари. Им дал отпор князь Александр Невский. Он был не только храбрым воином, но и благоразумным политиком. Мечом отстаивая Русь от западных врагов, он вынужден был вести тонкую дипломатическую политику по отношению к Золотой Орде, слишком могущественной в те годы, чтобы с ней можно было бороться на поле брани. Примечательно, что сын Батыя Сартак принял православие и стал названным братом Александра Невского. Ордынцы были многочисленны, разноплеменны и многоверны, разрешая исповедовать покоренным народам любую религию, но строго следя за покорностью хану, чья резиденция находилась в низовьях Волги в городе Сарай-Бату, названным в честь покорителя Руси и разорителя Восточной Европы.

Н.М. Карамзин, подобно многим историкам, отмечает большие заслуги князя Александра Невского, ставшего в трудные для Руси годы ее защитником и справедливым правителем. На него обратили внимание и в Европе: «Слава Александра, по свидетельству наших Родословных книг, привлекла к нему из чужих земель, особенно из Германии и Пруссии многих именитых людей»¹⁴. Приходили послы от Римского папы с предложением принять католичество или вступить в унию, на что получили отказ. Карамзин отмечает, что в это время в Орде начались несогласия, которые приведут к ее ослаблению, разделению и падению. Утрата единоначалия погубит могущественную Орду, а его возрастание на Руси приведет к возвышению и укреплению государства, а вместе с ним к процветанию страны и народа. Заканчивается четвертый том описанием распрей в Орде и рождением князя Дмитрия, который будет прозван Донским после грядущей Куликовской битвы.

Читать труд Н.М.Карамзина — дело довольно утомительное, но создавать его было несоизмеримо более тяжким занятием. Об этом свидетельствуют помещенные в конце книги обширные примечания, заимствованные из разных источников: древних греческих хроник, русских летописей и иных сочинений, из трудов западных ученых, описаний арабских путешественников. По объему примечания сопоставимы с основным текстом, а учитывая более мелкий шрифт, которым они набраны, то порою и превосходят его. Рассматривая эти примечания, набранные из разных источников и изложенные на разных языках, невольно проникаешься уважением к автору, его эрудиции, трудолюбию, добросовестности и желанию вынести обоснованное суждение.

Отмечая научную основательность Н.М. Карамзина, также в его труде видишь большой эмоциональный заряд, живое одушевление при описании событий, особенно значимых и трагических, любовь к своему Отечеству и тем поколениям ушедших предков, кто строил, украшал, защищал родную землю. Будучи дальним потомком татарского мурзы, перешедшего на русскую службу и принявшего православие, он предстает более страстным патриотом России, чем некоторые русские по крови, но равнодушные к истории своей Родины люди. У многонациональной России были и будут такие патриоты, для которых она является дорогим Отечеством, любовь к коему носит искренний и неподдельный характер.

Автор настраивает читателя на взволнованное восприятие драматических событий того времени, когда Русь пробудилась для решительной борьбы с врагами: «Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные Гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу, и народу уничиженному возвратил благородство духа»¹⁵. Текст «Истории» менее всего похож на бесстрастный анализ былого, автор заряжает читателя своей патетикой, эмоциональными всплесками, гневом, восторгом, употребляя вопросительные и восклицательные знаки. Описываемые им исторические персонажи иногда напоминают литературных героев, а само повествование часто носит беллетризованный характер. Научность и сентиментальность, апелляция к источникам и пылкое воображение, подробное перечисление неведомых ранее обстоятельств и эмоциональные всплески делают текст неровным, но вместе с тем интересным. Его хочется читать как исторический роман. Так, пожалуй, и было с восприятием образованной публикой каждого из постепенно выходивших томов «Истории государства Российского».

Много внимания уделено правлению Ивана III, его браку с Софьей Палеолог, приезду греков и итальянцев в Россию, утверждению Москвы в качестве преемницы Константинополя. Болонский архитектор Аристотель Фиорованти выстроил замечательный Успенский собор, главный храм России, где будут венчаться на царство все правители страны вплоть до

Николая II. Другие храмы, светские сооружения, стены и башни кремля были также возведены итальянскими зодчими так, что он стал походить на западный замок вроде замка Сфорца в Милане. Также итальянцы помогли наладить литейное производство от колоколов до пушек, научили чеканить монету, изготавливать красный кирпич. Заметим, что все они были католиками, в том числе строитель Успенского собора Фиорованти.

Таким образом, задолго до XVIII в., когда в Санкт-Петербурге стали работать западные архитекторы и другие специалисты, в России уже потрудились многие иностранцы. После падения Константинополя заканчивается период византийского влияния, который длится несколько веков. Россия при Иване III разворачивается на запад, с этого времени начинается период все более возрастающего европейского влияния, достигшего апогея в XVIII–XIX вв. и продолжающийся до сего дня. Россия нуждалась и нуждается в передовых идеях, технологиях, достижениях и охотно их воспринимает, однако при этом твердо отстаивая свои национальные интересы, традиции, идентичность.

Начиная с Ивана III Россия, с одной стороны, подчеркивает свою преемственность от Византии, для чего и нужен был династический брак с Софьей Палеолог, родственницей последнего византийского императора Константина, погибшего при взятии турками Константинополя. Страна устанавливает государственный герб в виде двуглавого орла по подобию византийского. Создается теория «Москва – Третий Рим», которая была, однако, не выдумкой москвитов, а желанием вписаться в политическую европейскую идеологию того времени, ибо концепция «Рима вечного» (Roma aeterna) была распространена на Западе и ряд стран с великодержавной идеологией, в частности, Священная Римская империя Габсбургов, претендовали на роль преемницы, но не Византии, а непосредственно Рима¹⁶. Поэтому, с другой стороны, Россия пытается вписаться в политическую систему Европы как равноправный партнер, с позицией которого надо считаться.

Изданный посмертно XII том «Истории государства Российского» предвваряет короткое вступление, в котором отмечают достоинства Н.М. Карамзина: любовь к Отечеству, основательность историка, пронизательность философа, неподражаемость слога, свойственную блестящим литераторам. В этом плане труд Карамзина является единственным в своем роде произведением, доведенным, к сожалению, до 1611 г., когда Смута еще терзала Русскую землю. Неудачное царствование Василия Шуйского, восстание Болотникова, падение Смоленска, захват поляками Москвы, осада Троице-Сергиевой лавры и другие драматичные события тех лет, тяжкие для страны, но яркие для последующих воспоминаний, подробно описываются Карамзиным. Последняя глава последней книги называется «Междоцарствие», когда тучи все более сгущаются: москвичи присягают польскому царевичу Владиславу, на короткое время ставшему формальным правителем

России, в Кремле сидит польский гарнизон, сами поляки ведут себя вызывающе, патриарх Гермоген заточен в Чудовом монастыре, шведы заняли Новгород, Тихвин, Ладогу. «Орешек не сдавался» – это последнее слово историка, за которым следует многоточие.

Описывая все эти события, Карамзин подводит нас к апогею 1612 г., когда преданная «седмочисленным боярством» Москва будет освобождена всенародным ополчением, начавшим собирать силы в Нижнем Новгороде, когда сдастся польский гарнизон и начнется освобождение страны. В память тех событий на Красной площади Дмитрием Пожарским будет выстроен храм в честь Казанской иконы Божией Матери, покровительницы ополчения, а в 1818 г. скульптор Мартос поставит на Красной площади памятник Минину и Пожарскому, который, безусловно, видел Карамзин. Ныне осенний праздник в честь Казанской иконы, отмечаемый 4 ноября по новому стилю, провозглашен в качестве государственного праздника Дня народного единства. Памятник Минину и Пожарскому с центра площади перенесен к Покровскому собору. Эти сооружения, как и творение Н.М. Карамзина, напоминают о трагических и героических страницах нашей истории, которые не подлежат забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – СПб.: Азбука, 2015.

² Карамзинский сборник. Россия и Европа: диалог культур. – Ульяновск: Гос. пед. ун-т, 2001.

³ Rothe H. N.M. Karamzin europäische Reise. – Berlin; Zürich: Gehlen, 1968.

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / под ред. Ю.М. Лотмана, Н.И. Марченко, Б.А. Успенского. – Л.: Наука, 1987.

⁵ Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. – Екатеринбург: УРГУ, 1995.

⁶ Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – нач. XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

⁷ Громов М.Н. Непреходящее значение культурного и философского наследия Древней Руси // Музыкальное образование в духовной культуре средневековой Руси: междисциплинарный подход. – Вел. Новгород; Пермь: Новгородский гос. ун-т, ПГГПУ, 2012. С. 20–34.

⁸ Rozpad ZSRR i ego konsekwencje dla Europy i świata. – Krakov: Ksiongaria academicka, 2011.

⁹ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982.

¹⁰ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. – М.: Вагриус, 2004.

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 1. – М.: Книга, 1988. С. 13.

¹² Там же. Кн. 1. Т. I. Гл. IV. Стб. 67.

¹³ Там же. Кн. 1. Т. III. Г. I. Стб. 20.

¹⁴ Там же. Кн. 1. Т. IV. Гл. II. Стб. 58.

¹⁵ Там же. Кн. 2. Т. V. Гл. I. Стб. 1.

¹⁶ Roma aeterna. – Leiden: Brill, 1972.

REFERENCES

Arjanuhin S.V. *Philosophical views of Russian masons*. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1995. 223 p. (in Russian).

Gromov M.N. Eternal sense of cultural and philosophical heritage of Ancient Rus In: *Music education in the spiritual culture of medieval Russia: an interdisciplinary approach*. Novgorod; Perm, Nov. State University, 2012, pp. 20-34 (in Russian).

Karamzin N.M. Selected articles and letters. Moscow, *Sovremennik* [Contemporary]. 1982. 352 p. (in Russian).

Karamzin N.M. History of Russian state. 4 books. Moscow, *Kniga* [Book], 1988 (in Russian).

Karamzin N.M. *Letters of Russian traveler*. Leningrad, *Nauka* [Science], 1987. 720 p. (in Russian).

Karamzins collection. Russia and Europe: Dialogue of cultures. Ulianovsk, State Pedagogy University, 2001. 345 p. (in Russian).

Lotman G.M. *Creation of Karamzin*. Saint Petersburg, *Azbuka* [Alphabet], 2015. 447 p. (in Russian).

Eidelman N.J. *Final chronicler*. Moscow, Vagrius, 2004. 256 p. (in Russian).

Roma aeterna. Leiden, Brill, 1972.

Rothe H. N.M. *Karamzin europäische Reise*. Berlin; Zürich: Gehlen, 1968.

Rozpad ZSRR I ego konsekwencje dla Europy i świata. Krakov, Ksiongaria akademicka, 2011. 425 s. (in Polish).

Аннотация

Карамзин представлен как выдающийся историк, соединивший в своем творчестве научную объективность, литературный дар, гражданскую позицию, искреннюю любовь к Отечеству. Его главный труд «История государства Российского» можно рассматривать как продолжение и развитие традиции древнерусского летописания. Он не утратил своего значения до сего дня, являясь сам замечательным культурно-историческим источником разнопланового характера.

Ключевые слова: история, летописи, источники, историософия, самодержавие, единодержавие, патриотизм.

Summary

Karamzin is presented as the outstanding historian who connected scientific objectivity, a literary gift, a civic stand, sincere love to the Fatherland. Its main work «history of the state Russian» can be considered as continuation and development of tradition of Old Russian annals. It did not lose the value till this day, being itself a remarkable cultural and historical source of versatile character.

Keywords: history, chronicles, original sources, historiosophy, autocracy, monocracy, patriotism.